

Татьяна Нараева

Малиновка поёт **даже в сумерках**

*Очерк — воспоминания
о судьбах спецпереселенцев 1940-х годов,
перемещённых на поселение из Прибалтики
в Васюганье Томской области*

Томск
«Смелая версия»
2018

*Идея и финансовое обеспечение проекта —
руководство ООО «Спецгеострой»*

Вместо предисловия

Дорогая Реед Эдуардовна!

Мне очень хочется, чтобы Вы знали, как я благодарна судьбе за встречу с таким чудесным, необыкновенным человеком, как Вы! Работа над этой книгой перенесла меня в другое время, и для достоверности повествования мне пришлось изучить целый пласт социальной истории, который ранее был мне неведом.

Благодаря Вам я стала чутче и глубже душевно, ведь мне открылся совершенно новый мир.

Я Вас очень люблю и ещё раз от всего сердца благодарю!

Пусть Бог пошлёт Вам ещё много лет жизни, здоровья и семейного счастья!

*Искренне Ваша,
автор книги Татьяна Нараева.*

*Памятник жертвам репрессий
13–14 июня 1941 года (Рига, Латвия)*

Жатва сатаны

Днём и ночью светились окна местного управления НКВД, несмотря на бесконечно долгие дни и приближающиеся белые ночи. Впрочем, при таком пасмурном небе это было и неудивительно, — всё равно постоянно стоял полумрак, а от сырости и вечного ветра с Балтики щекотало в носу наступающим насморком.

Однако сморкаться хотелось не только из-за погоды: с рудников и карьеров несло «горючкой» сверх всякой меры в эту весну. Рабочие посёлки росли как на дрожжах, люди в них прибывали что ни день. Только в середине тридцатых население увеличилось чуть не втрое. Вот тебе и индустриализация! Если и даль-

ше так пойдёт, Кохтла-Ярве того и гляди превратится в большой город.

А что? Пора бы... Первое упоминание о населённом пункте датируется 1241 годом. Уже тогда пастухи заметили, что если выложить костерок из жёлто-коричневых камней, то гореть будут эти камешки лучше любых дров. А с тех пор, как учёные из Петрограда в 1919 году подсказали, что горючие сланцы (или твёрдая нефть) — отличное сырьё для новой по тем временам химической промышленности, так и вовсе жизнь переменялась.

Правда, в августе 1940-го Эстония снова вошла в состав России, то есть СССР, и среди приезжих всё чаще стали попадаться русские. А в Кохтла-Ярве эстонская речь теперь чаще и чаще перемежается «весёлыми» русскими словечками... Эх, экономика, экономика — страшный, вечно голодный зверь...

Но даже она не так страшна, когда на свете не дремлют политические страсти. Сталин и Гитлер прячут по рукавам новые козыри друг против друга, не забывая клясться во взаимной нерушимой дружбе. Но хрупок мир, хрупок. И Великий кормчий решает принять меры: народные комиссариаты внутренних дел Латвии, Эстонии, Литвы, принадлежавших СССР территорий Польши и Бессарабии должны представить списки мужчин, имеющих отношение к силовым структурам и военным действиям, чтобы их вместе с семьями в самое ближайшее время можно было депортировать подальше от государственной границы с западными соседями. Лучше всего — в Сибирь. Вме-

сте с силовиками «под раздачу» попадают представители творческой интеллигенции, учёные, служащие, предприниматели. Причём не только прибалтийских национальностей, но и русские, евреи.

И окна комиссариата горят днём и ночью. Круглосуточно, в полной секретности готовится эта жатва сатаны. Ещё немного времени, — и в предрассветной тишине заплачут женщины и дети, а мужчины, наскоро одевшись, в последний раз окинут взглядами это серое небо над остроконечными шпилями. Всех их ждёт дальняя дорога. На восток.

Только из Эстонии в эти страшные дни первой волны депортации — 13–14 июня 1941 года — были высланы десять тысяч человек, из которых восемьдесят процентов составляли женщины и дети. В их числе семья Хылпус. Папа — Эдуард Карелович — сотрудник местной полиции до 1940-го, а далее — работник депо. Мама — Хильдэ Гард София Яновна, примерная домохозяйка. И дети — 12-летний Вяйно и четырёхлетняя Реет. Родители всего пару лет назад перебрались из крошечного, но такого красивого старинного городка Муствеез, что на берегу Чудского озера, и жизнь уже налаживалась как нельзя лучше. И вдруг...

Все знали, что в прошлом году всю верхушку довоенной Эстонии арестовали и расстреляли во Владимирском центре и Свердловской внутренней тюрьме. Многих высокопоставленных эстонцев тогда отправили на Урал. 5 июня 1940 года в Свердловске был казнён Яан Хюнерсон, бывший министр внутренних дел Эстонии. 3 августа та же участь по-

Эстония, конец 1930-х гг.

Мама — Хильдэ
Гард София
Яновна, примерная
домохозяйка.
И дети —
12-летний Вяино
и четырёхлетняя
Реет.

стигла Хуго Вилли Кукке, бывшего министра образования и социальных дел. 24 августа расстреляли Йоханнеса-Фридриха Зиммерманна, бывшего министра сельского хозяйства. Там же, в Свердловске, погибли несколько эстонских парламентариев. Однако столь крутого поворота для массового количества своих сограждан эстонцы не ожидали.

Сначала среди ночи забрали отца, а затем, на следующий день ранним утром, приказали собираться семье. Сказали, что забирают на два месяца, и на сборы отвели два часа. Мама торопилась, впопыхах собирая в чемодан то, что попадалось под скорую руку. Чуть позже их посадили в тесные вагоны для перевозки скота, и состав тронулся. Мужчин везли отдельно в этом же поезде, держа, в отличие от жён и детей, в зарешёченных вагонах.

Мама старалась сохранять спокойствие. В Ленинграде её сестра догнала состав на собственном автомобиле, который мастерски водила. Она привезла продукты, целый ворох тёплых вещей и большую сумку красного стрептоцида — на всякий случай. А за пределами города Ленина, в чистом поле поезд встал, женщин и детей выгнали наружу, позволив подойти к вагонам с отцами семейств. Это было прощание. Реет до сих пор помнит, как мама подбрасывала её повыше, чтобы папа мог в последний раз взглянуть на малышку. А девочка навсегда запомнила лицо отца за решёткой.

После — снова в вагоны, и так до самого Новосибирска. Только там женщины узнали, что вагон с мужчинами отцепили где-то в районе Свердловска и... боль-

ше ничего. Почти через пятьдесят лет Майя Адамс, дочь начальника криминальной полиции Таллинна, выросшая в Чижапском детском доме, докопалась до истины: эстонцев расстреляли в Свердловской внутренней тюрьме.

Отца Реет судила «тройка» 20 марта 1942 года, и месяцем позже, 24 апреля, главу семьи расстреляли. Всего месяц не дожил Эдуард Карелович до своего сорокового дня рождения. Сосланных в ту пору расстреливали многими тысячами, и до сих пор неизвестна точная цифра. Зато мы знаем, что трупы привозили и закапывали ночью на территории в 90 гектаров.

В Новосибирске выживших в дороге перепуганных, полуголодных женщин и детей отправили на берег Оби. После спёртого воздуха вагонов предрассветная свежесть с реки показалась раем. Люди дышали полной грудью, тихо переговаривались, как вдруг перед ними вышел мужчина в погонах и сообщил, что 22 июня без объявления войны фашистская Германия напала на Советский Союз.

Кто-то зашептал едва слышно: «Немцы освободят». Тогда никто и подумать не мог, что Гитлер идёт на восток совсем не «отстаивать европейские ценности». Один из фактов: войдя в Таллинн, фашисты собрали вместе 200 еврейских детей и заживо закопали недалеко от города. Земля продолжала шевелиться ещё несколько дней...

...В общем, женщин и детей погрузили на баржи и отправили по этапу Обью до Каргаска. Там пересаживали в баржи поменьше, и ниже по течению плавучие

средства сделали поворот в один из притоков большой реки — реку Васюган почти 900 километров длиной.

Юдоль-река, полная слёз невинно убиенных и замученных — Васюган. Воды её мутные, как ближайшее будущее ссыльных. Никто не знал, чего ждать. Рядом на барже сидела симпатичная, совсем молодая женщина с шестимесячным ребёнком на руках. По дороге кроха заболел и умер. На короткой стоянке в Айполове его просто закопали в небольшой, наспех вырытой яме, будто и не человека совсем похоронили. Осталось только вздохнуть: его хотя бы предали земле. Были и такие, кого просто сбросили в воду.

Высаживали депортированных маленькими группками в деревеньки по обеим сторонам Васюгана через пять-десять-пятнадцать километров. По тем меркам, им просто сказочно повезло: их высаживали в населённых пунктах, куда десятью годами раньше сослали так называемых «кулаков» — зажиточных крестьян — с Алтая, Кемеровской, Омской областей. Ведь сибиряков бросили на произвол судьбы прямо посреди тайги, на берег. И с нуля им пришлось строить свои дома, корчевать деревья под огороды, а потом и под колхозные поля. Причём в основном это также были женщины и дети. Тех немногих мужчин, что были с ними, отправили на фронт.

К каждому их крохотному посёлочку примыкало огромное по размерам кладбище. Лишённые качественного полноценного питания и медицинского обслуживания (выращенные ими пшеницу, рожь, овёс, горох выгребали до последней крупы) уполно-

моченные и увозили на большую землю) люди мёрли как мухи. Особенно дети. Но они трудились. Трудились с самого раннего утра и до позднего вечера. Невзирая на погодные «причуды» зоны рискованного земледелия и такую неплодородную почву в виде белой глины, на которой всё росло очень плохо, а грибов не было вообще. Казалось, спать они не ложились никогда.

Отчасти держаться помогала вера, но не в товарища Сталина. Все спецпереселенцы тридцатых годов были глубоко верующими в Бога людьми: в каждой избе на чистом рушнике стояли невесть как сохранённые образа. Люди усердно молились, соблюдали все посты и отмечали все святые праздники. Наверное, поэтому не было среди них обзлётных на жизнь. Скорее наоборот: их сердца и двери никогда не запирались. Добрые и щедрые тем немногим, что имели, они не ругались матом, а детей — и своих, и соседских — одинаково учили простым хозяйственным премудростям: пол помыть, огород прополоть, еду приготовить.

С дровами проблем не было: вокруг посёлка повсюду можно было найти валежник, оставшийся после раскорчёвки. Собирали также сучки, ветки.

Из бересты местные остяки, жившие по соседству в деревне Увал, делали туесы и кузова. Это аборигенное сибирское население, куда лучше приспособленное к жизни в тайге, добывало белку, бурундука, лося, зайца, ловило щук на петли, удило окуня, чебака. Но поскольку верховье Васюгана небогато рыбой, то остя-

ки ходили ниже по течению, предпринимая целые экспедиции вдоль берега.

Эстонцы в большинстве своём приехали в Малиновку «на готовое». Сначала их всех подселили к местным, а затем каждой семье досталось от почивших ранее хозяев по половине маленького домика, большинство из которых какое-то время стояли брошенными, как говорится, на семи ветрах. Поэтому в морозы практически постоянно сидели на печи. Но вот незадача: если пустые, заброшенные избёнки и рады были хозяевам, то жить было нечем. Прибыли люди на место в самом конце короткого сибирского лета, в конце июля — начале августа, — ни картошки не посадить, ни луковки.

Детям давали жмых, чтобы они не погибли от голода. Можно было ещё подкопать съедобные корешки, поймать рыбу, немного гороха спрятать в карман на прополке и сборе. Да ещё помогал дедок колхозный, в обязанности которого входило вечером проследить, чтобы все хаты были заперты, и подпереть каждую дверь тяжелым бревном. Однако сразу после захода солнца этот «строгий страж» убирал брёвна и тихонько сообщал новоприбывшим, что можно отправиться на колхозное поле и подкопать немного картошки.

Чтобы не попасться, он учил новеньких, как подкапывать незаметно. И просил сварить и запечь всё накопанное немедля и тут же употребить. Никаких следов не должно было остаться к утру.

Реет уже не помнит, как звали этого деда, зато помнит, как женщины в благодарность собрали немногие

оставшиеся у них ценные вещи (карманные часы, серёжки) и вместе принесли этому деду в подарок. От чистого сердца, что не дал им с детьми умереть голодной смертью. Но он от всего отказался, только велел дочке спуститься в погреб и ещё картошки эстонкам дать.

Да и местные делились чем могли. Однако выживать приходилось с трудом. Условия жизни были очень непростыми для тех, кто прибыл из цивилизованных европейских населённых пунктов: холод, голод. Насекомые кусали так, что у людей перекашивало лица.

К тому же многие просто не верили, что всё это происходит с ними на самом деле. Одна женщина — сорокадвухлетняя мама Юры Лехтранта, осиротевшего и попавшего в детский дом в Айполове в возрасте девяти лет, — всё сидела и ждала, что за ней вот-вот придёт пароход и заберёт отсюда. Она повторяла без конца: «Нет, это не я, это не моя жизнь!». Её красивое лицо с тонким носом и огромными глазами, её изящные, рождённые для лёгкой жизни руки, — всё выдавало даму благородного круга. Её гробом стал большой деревянный ящик. Такие, как она, исчезали первыми...

А что касается Айполовского детского дома, то его воспитанники, среди которых были не только дети репрессированных, но и дети-сироты вполне благонадёжных граждан, даже спустя годы с благодарностью вспоминают персонал учреждения. Ребятню туда часто привозили истощёнными, больными, —

многих буквально вытащили с того света, выхаживая иногда месяцами. Доброта людская шла рука об руку с суровыми условиями жизни.

Малиновка

Мама, совсем ещё молодая, выросшая в интеллигентной и обеспеченной семье, окончившая женскую гимназию и никогда не работавшая — типичная эстонская домохозяйка — симпатичная, белокурая, голубоглазая, скромная, спокойная, кажется, первой должна была растеряться в такой обстановке. Но не тут-то было!

Во время следования поезда она невозмутимо обменивала привезённые сестрой тёплые вещи на продукты, чтобы прокормить детей здесь и сейчас. Она не плакала при ребятишках, не вздыхала без умолку, вспоминая про былые прелести жизни. Нет. Она молча, спокойно заботилась о своих детях и помогала другим.

Только сумку с красным стрептоцидом мама бережно держала при себе, памятуя, что здоровье — главная ценность. Ах, как пригодилась эта волшебная сумка в Малиновке!..

Благо, в гимназии преподавали не только литературу, английский язык, но и некоторые практические дисциплины для девочек — азы медицины, вязание, вышивание. Учитывая, что никакого медика не было не то что в Малиновке, но даже и окрест, её навыки в оказании медицинской помощи оказались просто бесценны. Мама также умела гадать. По руке.

Посёлок спецпереселенцев того времени.

К Лиде (так называли Хильдэ местные) приходили со всей округи узнать, жив ли муж или брат, вернётся ли. Она всегда гадала точно, но печальные предсказания неизменно облекала в деликатную, даже несколько иносказательную форму. Отвечала по-эстонски, потому что русского тогда не знала совсем. В отличие от папы, дружившего в детстве с русскими мальчишками и довольно сносно говорившего по-русски. Переводчицей при ней была та самая женщина, чей полугодовалый малыш нашёл свой последний приют на берегу Васюгана — Элла Августовна Керст. Она в Эстонии работала учительницей русского языка. Мама с ней подружилась, и они держались вместе.

Денег у приходящих не было, конечно, но они иногда приносили, если могли, свёклу, картошку, лук,

морковку. Это помогало прокормиться. А ещё маме несли продукты за медицинскую помощь, — бывало, она и роды принимала.

Большинство местных совсем в медицине не смыслили, не умели даже компрессы ставить. Хотя выходцы с Алтая хорошо разбирались в лекарственных травах: знали, что, когда и как собирать, как сушить. В качестве чая тоже заваривали травы, например, иван-чай, зверобой, душицу. Была в ходу и встречающаяся местами синяя глина. Её нагревали и прикладывали к больным суставам.

Один умирающий дедок всё просил: «Позовите Лиду». Хотя знал, что помочь уже ничем нельзя. Но мама никому не отказывала, будучи настоящим ангелом милосердия.

Молодцом оказался и брат. В свои двенадцать лет он был постоянным и весьма активным участником скаутского движения в Эстонии. Именно там он научился разводить костёр, хорошо плавать, ловить рыбу, плести и ставить силки на бурундуков. Сначала силки плёл сам, а потом и сестру научил. Малышка с увлечением плела косички в три конских волоса, зная, что от ловкости её ручек зависит, забулькает ли в кастрюле сегодня вечером что-нибудь.

Труднее всего приходилось в марте, когда кончалась картошка и еды практически никакой не оставалось. С силками выходил Вяйно, прозванный в Малиновке Вениамином или попросту Веней, в лес. Свистнет, бывало, любопытные бурундуки и выскакивали. Он приносил их целую кучу, обдирал, сестра потрошила.

И удавалось набивать полную кастрюлю мясом зверьков, которые питаются одними орехами, — вкусное, полезное, питательное мясо.

Также у парня отлично получались слапцы. То есть клетки, поверх которых насыпали солому и потом битые стёкла. По осени Веня ходил на глухарей: привлечённые блеском стёкол, птицы слетались к клетке, садились на солому и проваливались вовнутрь.

Ещё в сезон ходили за ягодами — малиной, черникой, брусникой, клюквой. Но каждый такой поход мог оказаться последним: с весны до осени ходили без обуви, а кусты и трава буквально кишели змеями, среди которых попадались и ядовитые. Однако голод был сильнее страха.

Как-то маленькая Реет отправилась в сентябре по заморозку босиком за клюквой и так застудилась, что, придя домой, полезла на печь и потеряла сознание.

С тринадцати лет (с 1942-го) Веня трудился в местном колхозе со звучным названием «Комсомолец». Хотя комсомольцев по сути не то что в Малиновке, но даже и во всех окрестных посёлочках было считанные единицы, ведь в коммунистический союз молодёжи принимали только достойных, а не каких-то спецпереселенцев...

Мама тоже работала в колхозе. Вместе со всеми корчевала деревья, косила сено, и ни разу дети не слышали, чтобы она жаловалась на жизнь, сетовала или негодовала. Иногда ей удавалось даже раздобыть себе папиросы. Она задумчиво и красиво курила, за что ей постоянно доставалось от бабушки в Эстонии. Но

если в юношеские годы курение для благовоспитанной барышни было чем-то вроде бунта против пошлости устоявшегося мещанского быта, то сейчас помогало успокоиться, подумать о будущем, немного расслабиться. Возможно, именно эта привычка позже стала причиной её ухода из жизни в семьдесят один год...

А забыться иногда было просто необходимо. Большинство тех, кого ещё недавно сослали из европейской части страны, уже умерли. Вот буквально на днях одну женщину нашли под утро мёртвой, — замёрзла. Обе её девочки — голодные и завшивленные — были отвезены в детский дом Айполова. А её, раскачав за руки и ноги, бросили в выдолбленную в мёрзлой земле могилу. У Инталей один из сыновей умер почти сразу после приезда. Прелестная, бездетная жена мэра Риги — та попросту исчезла без следа, и никто ничего не знал о ней.

Словом, выжили немногие, а уж тех, кто бы выжил всей семьёй, и вовсе по пальцам одной руки можно было пересчитать.

Радостей было мало, и Реет очень хорошо помнит, как впервые пошла в школу в 1944 году. В Малиновке была только начальная школа. Все детки с первого по четвёртый класс учились у одного педагога, по несколько человек в каждом классе.

Первая учительница Реет Любовь Антоновна — добрая душа — отдала маме старый, потрёпанный флаг (кусок ситца). И мама, вытащив спицы из своего зонтика (один из немногих сохранившихся предметов

Сельская школа 1940-х годов

хорошей жизни в Эстонии, если не последний), сделала из его основы юбку для малышки. Ситец от флага превратился в блузу с карманом. Босиком, но в обновке Реет гордо шагала в школу, чувствуя себя самой красивой, — и таковой и была, потому что вся свети-лась от счастья.

Благо, топать далеко не приходилось. В Малиновке было всего две улицы, а между ними — огороды. На одной жили Гриценко, Самченко, Федорковы, Васецкие, Угленко, Терещенко. Далее — Носовы, Воротниковы, Гребенюки, Иващенко, Савицкие, Киселёвы, Макуха, Слюсаревы, Цис, Иванковы, Сушковы. По другой улице — Бражник, Самокишины, Шумахер, Слю-

саревы, Базик. Всего несколько десятков человек. Вот и весь колхоз.

Учебников в посёлке не было, — что педагог рассказывал, то и учили. С тетрадками тоже дела обстояли неважно: писали на газетах, используя вместо чернил выдавленный дома накануне свекольный сок. Одна девочка принесла чудом сохранившуюся книгу А. С. Пушкина «Записки Белкина». Так этот бесценный том бережно передавали из рук в руки, чтобы вечером при копящей лампадке почитать вслух всей семье.

Зато палочки для счёта у Реет были, — брат выстругал.

Со второго класса (уже после войны) преподавание вела другая учительница — Лидия Николаевна Слюсарева, а в обиходе школьников появились первые настоящие чернила. К встрече Нового 1946 года готовились, как в доброе «старое» довоенное время — вместе из газет вырезали фигурки, клеили и раскрашивали их, делая разноцветные ёлочные игрушки. Учили новогодние стихи и песни, вспоминали танцы и игры. Праздник удался на славу, а по его окончании всем детям выдали подлинное богатство — по пять тетрадок в косую линейку для чистописания. Какое это было счастье!

Такое разве будешь в дождь и снег в руках носить? Вот и сшила мама для Реет холщовую сумку с двумя ручками.

Тогда же, в третьем классе, соседская бабушка подарила Реет маленькую серую кошечку. Девочка очень привязалась к киске, а та — в благодарность — ловила

мышей и громко мурчала, прижимаясь долгими зимними вечерами своим тёплым боком к Реет.

Весну ждали с нетерпением. Примерно в эти же годы к колхозным полям близ посёлка в сороковые прибавились ещё новые, — по ту сторону Васюгана, в шести километрах от жилья. Детей задеиствовали на прополке злаков с двенадцати лет. Ходили босиком по слани (два бревна, положенные поверх заболоченной почвы). К вечеру от слепней, мошки, комаров и паутов кожа была буквально изъедена, и кровь сочилась из десятков мелких ранок.

Зато на сельхозработах можно было поесть. На завтрак и ужин здесь варили затирку, — в муку добавляли воду и варили. Лучше всё ж, чем ничего...

Однажды мама Нины Макухи, увидев на земле горсть пшеницы, высыпавшейся возле угла амбара (очевидно, мыши прогрызли), аккуратно собрала зёрнышки, помыла и испекла небольшой хлебец. Сами поели и подруг Нины угостили. А потом женщину арестовали и посадили на несколько лет за эту самую горсть. До сих пор Реет не знает, кто мог написать такой донос.

Была ещё история. Как-то председатель колхоза, сжалившись над поселенцами, разрешил им немного хлеба в уборочную страду срезать серпом и забрать по домам. Если бы и его «сдали», то тут бы точно без расстрела не обошлось.

Реет помнит, как строго следили за работой сушилки, стоявшей на берегу Васюгана: всё до зёрнышка привези, всё высуши, всё в мешки высыпи, и ни одного себе не возьми!

Со второго класса Реет вместе с другими детьми ходила в свободное от уроков время собирать берёзовые почки, которые заготавливали и сдавали на фармацевтические нужды советского государства.

В один из таких походов ранней весной малышка потеряла в глубоком снегу одну из чешек — настоящее богатство, которое ей досталось от одной из умерших в посёлке девочек. Так и пришлось отдать, наревевшись вдоволь, оставшуюся чешку брату на починку подошвы для его обуви.

...А летом брат нашёл в лесу «потеряшку», но она никуда уже не была годна сама по себе...

От умерших часто доставались вещи. Реет помнит, как в первом классе мама купила для неё по зиме рукавицы, а одна женщина, вязавшая для дочери чулки из кудели (льна) и покрасившая их краснопрудником, так и не успела подарить их девочке. Кроха умерла. И чулки достались Реет. Брат пришил к их подошвам куски меха кожей вниз, и так сестра ходила в школу, — ноги были в тепле.

Тогда все женщины умели трепать и прясть лён. Из более нежного и мягкого ткали платья, из того, что погрубее, потолще, вязали.

Впрочем, вещи как приходили, так и уходили: когда маленькая Реет заболела коклюшем, мама постоянно что-то выменивала на продукты.

...А в школе нравилось, только учиться было трудно: все занятия велись на русском, а Реет по приезду в Малиновку и эстонский-то толком не знала в свои четыре года. Маме русский тоже давался не в раз. С учёбой

помогала та самая новая подруга мамы — учительница русского языка. И всё спорилось. К тому же Элла Августовна, позже устроившаяся бухгалтером, научила Реет в четвёртом классе бойко считать на счётах.

Нельзя не упомянуть в нашем повествовании ещё одно значимое событие, происходившее раза три в год, но от этого не менее ожидаемое: на празднование 1 Мая, 7 Ноября, Нового года всех детей Малиновки приглашали в контору и кормили поистине божественным блюдом — молочной лапшой. Это была настоящая, качественная лапша, действительно сваренная на молоке, причём с добавлением сахара. Дети с жадностью ели это вполне рядовое по нынешним меркам лакомство, и Реет думала тогда, что ничего лучше лапши быть не может.

Взрослым разрешалось по случаю праздника взять немного сахара в колхозе, чтобы приготовить брагу. Лозунги клеили из газет в большой широкий транспарант. Под ними накрывали в колхозной конторе общий стол, и через некоторое время слышалась известная песня: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальём!».

И смешно, и грустно. Но если серьёзно, ещё одно событие времён жития в Малиновке врезалось в память девочки.

В центре посёлка, у реки, была небольшая лужайка — нечто вроде местной площади. Именно здесь располагалась школа, через дорогу от неё — колхозная контора, магазинчик. Сюда собирали людей, чтобы сделать объявление или провести митинг по случаю

праздника. Здесь украшали гривы лошадей бумажными цветами, сделанными из газет, собираясь на выборы в соседний Майск (своего пункта для голосования в Малиновке не было).

Однажды по весне приехавший верхом уполномоченный добросовестно собрал всех жителей Малиновки по полям (шёл сев) и на этой самой площади громко и внятно, чтобы слышали все, торжественно огласил сообщение об окончании войны.

Одна из женщин, получившая похоронку на единственного сына, протяжно завывала на весь посёлок. Все вокруг тоже заплакали: сколько раз за годы войны в домах раздавался этот страшный, раздирающий душу вой!.. Реет помнит, какая жуть подкатывала к сердцу при его звуках. Хотелось убежать, закрыть уши, спрятаться туда, где нет этой дурацкой, отвратительной войны, причиняющей столько горя. А похоронки всё несли и несли. В холодное время за девять километров по зимнику, летом — за пятнадцать километров в объезд. Весной и осенью в распутицу почту и вовсе приходилось ждать неделями. И всякий раз, когда вместо треугольника в дом приносили конверт, это означало только одно — любимого, долгожданного мужа или сына больше нет. И женский вой нарастал, как девятый вал, накрывая всё вокруг волной горя и неизбывного отчаяния. Конечно, все сбегались, чтобы поддержать и утешить. Но разве можно успокоить такую боль?..

Те, с кем ещё недавно делили кусок хлеба, с кем играли в лапту в редкие досужие минуты, уже никогда не вернуться, никогда не обнимут, не скажут:

— Ну вот я и дома!

Сначала люди на поляне плакали, обнимаясь и оседая на молодую, едва поднявшуюся траву. Потом пошло веселье. На лужайку притащили всё, что было съестного. Кто-то затянул песню. Её подхватили. И вот уже ноги сами пустились в пляс. ПОБЕДА!

Через несколько дней начали приглашать отдельных женщин в контору, чтобы наградить за доблестный труд во время войны. И это тоже было великим событием, ведь медалями удостоивали спецпереселенцев, которых власти считали едва ли не за врагов.

Однако не отметить их было невозможно, и женщины, гордо подняв голову, босыми ногами хлюпали по весенней грязи в контору.

Чуть позже с фронта стали возвращаться мужчины. На несколько близлежащих посёлков вернулся только Зиновий Слюсарев, Зона — как его называли. Бабы несли его на руках толпой от самой баржи, на которой он приплыл, до дома.

Впрочем, праздновали недолго, — слишком много было работы. Да и жизнь в сибирской глубинке, в посёлках для спецпереселенцев по-прежнему не отличалась комфортом и безопасностью.

Первой подругой Реет стала Лиза Шумахер из многодетной семьи. Девчонки всё время бегали и хохотали. Но однажды Реет узнала, что Лизу увезли в Майск вместе с другими детьми, заболевшими дифтерией, — эпидемия шла широким фронтом, а медикаментов практически не было. Чуть позже всех заболевших детей привезли в Малиновку в гробах. И мама

даже не пустила Реет на похороны, — так боялась, что и дочь тоже заразится. Девочка сидела дома, сжавшись в комок, и горько оплакивала свою безвременно ушедшую подругу.

Ещё умирали от коклюша, ангины, — любая инфекция, в отсутствие медикаментов, грозила перерасти в катастрофу.

В 1949-м население Малиновки снова пополнилось. Очередная волна репрессий на этот раз принесла в крохотный сибирский посёлок грузин, абхазцев, лазов и турок. И тоже никто не знал, за что их сослали, и сами они не знали.

Они в большинстве своём плохо говорили по-русски, и очень забавные у них выходили фразы. Один с энтузиазмом рассказывал, что как только с него снимут надзор, он вернётся в Очамчиру. Его спрашивали: «Ну и на кой ты там нужен?» На что он вполне серьёзно отвечал: «На кой и нужен». В общем, покатывались над новопривывшими со смеху, однако встретили их так же — по-братски, помогая и кровом, и куском хлеба, поделенным нередко пополам.

Ещё Реет помнит, как всем этим интернационалом — от мала до велика — пошли в колхозную контору смотреть привезённый в кои-то веки фильм. Это была вышедшая в советский прокат в 1948 году первая версия «Молодой гвардии». Кино почему-то шло без звука, однако обе серии люди восприняли на одном дыхании. Особенно впечатлила Люба Шевцова в исполнении Инны Макаровой, лихо отплясывавшая в честь 7 ноября. От неё веяло такой энергией, такой

живостью, что невольно хотелось пойти в пляс вместе с нею. А кроме того, женщины с жадностью вглядывались в её облик, вздыхая о простых дамских радостях: красивые туфельки на каблучках (в Малиновки никто не носил туфель, потому что ни у кого их не было), свободная белая блуза в мелкий цветочек, прямая чёрная юбка за колено. А кудряшки, причёска... Ох, не до бигуди и укладок теперь...

Начало большой жизни

Как особую радость Реет приняла перевод в пятый класс — в посёлок Майск в пятнадцати километрах от Малиновки, если идти напрямки через лес. Жили на квартире у хозяйки. Поскольку платить, естественно, было нечем, то пололи и копали хозяйскую картошку, воду носили за три километра из Васюгана, если колодец мелел.

Сами питались очень скудно. Раз в неделю на выходные ходили домой за той же картошкой, иначе было не прожить. Да ещё взялись плести кружева из тонких льняных ниток вместе с шестнадцатилетней подружкой Зоей — Зоей Яковлевной Иванковой, которая через несколько лет сама станет учительницей, несмотря на трудное детство (их бросил отец, и старшая сестра Анна Яковлевна одна растила Прасковью, Гришу и младшенькую — Зочку). Благо, кружева на ту пору вошли в моду, а девчонки плели их очень искусно.

После школы есть хотелось особенно сильно, поэтому ложились спать, потом просыпались и садились

В клубе блистала
выпускница
Рижской балетной
школы, прелестная
танцовщица
по имени Лайма, —
тонкая и изящная,
как фарфоровая
статуэтка.

плести кружева. Носила эту красоту ручной работы красавица — супруга директора школы Ася Загирова на двадцати четырёх лет от роду. Её мужу Никанору Лаврентьевичу Мельникову, преподававшему ботанику, тогда исполнилось шестьдесят.

Вечером подружки дружно шагали к магазину. Продащица, жена коменданта Вера Ивановна Фёдорова потихоньку зазывала их вечерами, под закрытие вверенной ей торговой точки, чтобы покормить обрезками хлеба, который тогда продавали на вес.

Также подкармливала Реет учительница географии Александра Николаевна Голубович. Видя, что девочка способная, старается, учится хорошо, симпатизировала Реет и частенько приглашала её к себе домой на супчик.

Ася Загирова платила деньгами и была очень выгодным клиентом. Однако вскоре она перестала быть единственной заказчицей. Местные жительницы (колхоз в Майске был побогаче Малиновского) приносили девочкам белые лоскутки, которые умелые подружки обвязывали нитками и сплетали кружевами. Так получались занавески на окна — первые предметы послевоенной «роскоши». Взамен девочкам давали муку, из которой наши рукодельницы пекли лепёшки. Это было особенно актуально в распутицу — весной и осенью, когда домой, в Малиновку, было не добратся. Лес становился непроходимым, а Васюган буквально кипел тёмной, мутной водой.

Зимой ходили в Малиновку короткой дорогой — по морозу и ветру, держась как ориентира одиноко сто-

явшей высокой сосны. Летом топали по тайге, вдоль берега реки за 15 километров. Но если отбросить сложности дороги до Малиновки, конечно, Майск был куда более «продвинутым» населённым пунктом. Здесь даже была библиотека. Реет помнит, как полюбился ей Аркадий Гайдар с его книгой «Тимур и его команда». Вот кому хотелось подражать!

В центре посёлка располагалась не только колхозная контора, но и почтовое отделение, клуб. Причём в клубе блистала выпускница Рижской балетной школы, прелестная танцовщица по имени Лайма, — тонкая и изящная, как фарфоровая статуэтка. На фоне поселковой самодеятельности (пусть и весьма недурной) она выглядела прямо-таки примадонной.

Также в Майске имелся фельдшерский пункт, в котором работала сестра балерины — Мирдза Андреевна. Она стала местной легендой. А дело было так...

...Девушка из благородной семьи — белокурая, голубоглазая красавица с внешностью мировой кинозвезды — интеллигентная, тактичная, умница, окончила медицинский институт в Риге. Оставалось только госэкзамен сдать и диплом получить, но именно накануне этого радостного и столь ожидаемого события семью арестовали и сослали в Сибирь. А поскольку эскулапом Мирдза была и по профессии, и по призванию, то, очутившись в Майске, вскоре заняла место фельдшера. Она же числилась в окрестностях единственным медицинским работником.

Как-то в её фельдшерский пункт доставили молодого парня из Каменного, что в шести километрах выше

по Васюгану. Он кричал от боли. Диагностировав у пациента заворот кишок, Мирдза Андреевна сказала, что без срочной операции не обойтись. Разрешение на такую манипуляцию в то время можно было получить только у коменданта, лично отвечавшего за всех своих поднадзорных. Родные юноши вместе с фельдшером устремились к представителю власти, умоляя об оказании медицинской помощи. Нельзя было терять ни минуты.

Комендант лишь криво усмехнулся, глядя на совсем юную медичку, рвавшуюся оперировать в отсутствие операционной и необходимого набора инструментов:

— Если зарежешь парня, саму к стенке поставлю!

Простой деревянный топчан был облит крутым кипятком, на него положили пациента, привязали покрепче, предварительно дав ему кружку спирта. Ножом фельдшер вскрыла брюшную полость больного и провела все необходимые манипуляции. Через некоторое время парень начал вставать, а потом и вовсе выздоровел — без всяких осложнений.

После этого случая авторитет Мирдзы Андреевны просто фантастически вырос. Теперь на вызовы к местному начальству ездила только она. К её мнению прислушивались, ей доверяли. Так что от колхоза для поездки на врачебные вызовы ей дали лошадь, на которой девушка ездила с поистине королевской осанкой (пригодились занятия верховой ездой в родной Риге). К тому же Мирдза умела отлично стрелять из ружья и слыла удачливой охотницей. Ею любовались все и любили все, потому что кроме красоты и грации

природа наделила девушку добрым сердцем, чуткой душой и потрясающей профессиональной интуицией.

Позже колхоз выделял фельдшеру прямо-таки роскошный по тем временам выезд — так называемую «гусёвку» (сани, у которых одна лошадь бежала впереди, другая сзади) — для дальних поездок по вызовам к руководству района. И теперь можно было добираться даже в Новый Васюган за сто с лишним километров.

Интересно, что в пятидесятые годы, когда сёстры вышли из-под надзора, обе они вернулись в родную Латвию. Мирдза получила заветный диплом врача, защитила кандидатскую, докторскую степени, стала профессором медицины и долгие годы возглавляла одну из республиканских больниц в Риге. Талант, знаете ли, он и в Сибири талант...

Вкус хлеба

В конце сороковых в посёлках спецпереселенцев можно было часто увидеть мужчину средних лет, заматанного бесконечными поездками, но полного энергии, рассказывающего колхозникам о новой жизни, — в достатке и комфорте, — для тех, кто захочет оставить работу на полях и пойти на лесозаготовки. Это был Владимир Владимирович Городович, заместитель директора по кадрам Васюганского леспромхоза.

Страна вставала с колен после войны, и древесина ей требовалась как никогда раньше. Людям обещали

Один из приезжих в Осинов Яр — турок по имени Рушты Кириджи — пёк изумительный хлеб. И белый, и серый. Пёк из того же, что и другие, но только его хлеб выходил таким ароматным и вкусным.

хорошие заработки, причём деньгами, а не продуктами и товарами первой необходимости, как в колхозе. Обещали и медицинскую помощь.

Ехали, главным образом, конечно, женщины, ведь мужчин после войны почти не осталось, из близлежащих посёлочков, где жить дальше становилось всё сложнее и сложнее — Малиновка, Майск, Елизаровка, Весёлый и других таких же. Вот и Вяйно, брата Реет, в 1950 году вместе с другими колхозниками, по согласованию с комендатурой, направили в Килеват на сезонные работы. Возил лес, и вот в одном из лесопунктов его лошадь приболела. К счастью, вовремя

подросла ветфельдшер — молодая, красивая, яркая девушка-хохлушка с бойкими чёрными глазами. Такая внимательная, добрая. Наверное, от одного только чудесного прикосновения её рук животные выздоравливали. Как не заметить её?.. Молодые поженились. У них родился первенец — сын Леонид.

К тому времени лесной фонд близ Килевата был выработан, и лесозаготовители переехали в Осинов Яр. Там жизнь кипела: было много молодёжи из окрестных посёлков, да ещё приехала целая ватага энтузиастов из Белоруссии — молодые, красивые, со своей гармонью. Они не делили товарищей по работе на ссыльных и нессыльных. Со всеми отплясывали в клубе, всем улыбались, словно бы солнечные лучи исходили от них.

В 1951 году молодожёны выхлопотали перевод матери и сестре из-под надзора одной комендатуры в другую. Обе они прибыли в Осинов Яр, когда Вяйно, живший в бараке, добился разрешения заготовить немного леса на сруб, возвёл собственный дом и даже успел обзавестись небольшим хозяйством.

Реет успешно оканчивала шестой класс, и ей разрешили сдать экзамены в Айполове, где был большой детский дом. И в седьмой класс она уже пошла в школу посёлка Новый Васюган (в Осиновом Яре была только начальная школа).

Школа располагалась в почти 80 километрах от дома, поэтому снова приходилось квартировать у добрых людей. Однако жилось уже немного легче и не так голодно. Здесь было рабочее снабжение, как и в Осино-

вом Яре. И даже (!) аптека. Правда, лекарства в ней продавались самые простые, вроде аспирина или сушёных лекарственных трав (помнится, Реет однажды заболела ангиной и купила там шалфей), но всё равно это был в глазах девочки социальный прогресс.

Что ещё более вселяло оптимизм, в Новом Васюгане постоянно находился не только терапевт для всех возрастов, но и специальный детский доктор, педиатр — Мильда Яновна. Она тоже была в чести, потому что занималась своими маленькими пациентами, не считаясь со временем и силами. В её окно могли постучать даже ночью, и Мильда Яновна неизменно поднималась и отправлялась туда, где была нужна.

Да, необыкновенные люди и тут встречались. В школе запомнилась учительница русского языка и литературы Елизавета Павловна Потылицына. В седьмой класс к ней пришло много новеньких, которые первый же диктант написали на «двойки», — среди детей, прибывших из маленьких посёлочков и деревень, где один педагог вёл все занятия, безграмотность царила жуткая. Неудивительно, что на следующий день учительница явилась грозная, как дождевая туча, и взялась за подопечных со всей строгостью, на какую была способна.

Пришлось чуть ли не с первого класса снова наизусть учить ребят правилам, отрабатывать с ними каллиграфию и муштровать по литературе. Благо, в Новом Васюгане книги были. По словам Реет, она так «школила» учеников, что они боялись чего-то не выучить к уроку. Разительная перемена произошла с педагогом

однажды, после того, как следующий диктант ребята написали на «четыре» и «пять».

Она буквально влетела в класс, радостно хлопая в ладоши. Глаза её блестели.

— Какие вы молодцы! Какие же вы все молодцы! — без конца повторяла она.

Надо ли говорить, что экзамен по русскому в конце года почти все сдали на «отлично». Причём как устный, так и письменный.

А библиотека стала излюбленным местом посещений для детей. Книги с художественной литературой — русской, советской — «глotalи» за ночь. Реет открылся совершенно новый мир — Лев Толстой, Алексей Толстой, Чехов, Пушкин... В своё время, учась в Москве, в техникуме она единственная с курса получила «пять» за сочинение, раскрыв тему «Образ Давыдова в романе Шолохова «Поднятая целина»», — в своём любимом романе, который Реет перечитывала несколько раз.

Ещё в Новом Васюгане, как и в Майске, активно развивалась художественная самодеятельность. Изящная, грациозная акробатка, имени которой девочка не запомнила, выделявала настоящие чудеса, попирая закон всемирного тяготения. Другие участники акробатического этюда строились в двухъярусную пирамиду, а она появлялась из-за сцены колесом и одним лёгким, словно бы кошачьим прыжком оказывалась на самом верху этого сооружения под бурные аплодисменты зрителей.

Также большим спросом пользовался драматический кружок, где особенного уважения заслужи-

ла совсем новая тогда пьеса белорусского драматурга Аркадия Мовзона «Константин Заслонов». История легендарного советского партизана, погибшего в ноябре 1942 года и посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза, была написана в 1946-м и тремя годами позже экранизирована на «Беларусьфильме». Пьеса была хороша не только идейной основой, но и вдохновляющим примером главного персонажа. Поэтому ею и занялся драмкружок.

Тех, кто не чувствовал в себе актёрского дара, собирала по вечерам Маша Феллер, одна из спецпереселенков. У неё чудом после депортации сохранился аккордеон, и она решила на общественных началах научить школьниц танцам. Девчонки увлечённо исполняли вальс, фокстрот, танго, падеспань, падеграс, венгерку, польку, краковяк и многое другое, что знала сама Маша.

Она говорила: «Тяните ножку!», и девчонки тянули, хотя ноги были в валенках, из пяток которых торчала солома. Но, что удивительно, Маша, не будучи педагогом, научила своих воспитанниц довольно сносно танцевать, а заодно и привила любовь к танцам и музыке. Ведь для прекрасного нет границ.

И ещё к вопросу о прекрасном. В клубе на стене висела единственная картина — «Рожь» Ивана Ивановича Шишкина. Вместе с подружкой Файкой Ясниковой, которая позже стала ветеринаром, Реет подолгу просиживала у картины, поскольку особо любоваться больше было нечем. Наголодавшиеся в детстве девчонки любовались бескрайним хлебным полем, изо-

И. Шишкин. Рождь. 1878

бражённным русским пейзажистом XIX века. И мечта-
ли, что после школы обязательно пойдут в агрономы,
ведь что может быть почётнее и важнее, чем выра-
щивать хлеб и кормить свою страну?

Кстати, о хлебе. Один из приезжих в Осиново Яр — ту-
рок по имени Рушты Кириджи — пёк изумительный
хлеб. И белый, и серый. Пёк из того же, что и другие,
но только его хлеб выходил таким ароматным и вкус-
ным. словно бы в каждую буханку этот южный чело-
век вкладывал частичку солнечного света и бархат-
ного южного неба, и свою любовь к людям, которые
так радушно приняли его на этой суровой земле и не
дали погибнуть.

Словом, всё бы ничего, но вот домой приходилось
добираться пешком через лес за 80 километров. По
пути останавливались на ночёвку в маленьких дере-
веньках, где такие же обездоленные люди проявляли

отзывчивость и понимание и пускали подруг к себе, радушно деля с ними свои скудные съестные запасы.

Как не вспомнить тут было одинокую бабушку-украинку, жившую в Малиновке и бескорыстно кормившую всех путников! Из крапивы и лебеды с добавлением картошки варила она щи, которые забеливала молоком для питательности. У неё всегда можно было и заночевать, и покушать. Местных ребятишек она тоже нередко одаривала пирожками с той же крапивой или лебедой. Вечно голодные, дети часто бегали мимо её окон в надежде хоть немного перекусить. Она же учила соседскую ребятню доить коз и коров, полоть огород. Некрашенный деревянный пол приходилось добела шоркать песком и голиком (веником из прутьев). И если после наведения чистоты по такой схеме появлялись разводы, бабушка хмурилась и говорила строго: «Пермывай!» («Перемывай!»). Как её звали, теперь бог весть, зато доброту её никогда не забыть...

Пока Реет училась, мама, как и брат, тоже отправилась работать на лесозаготовки и постоянно что-то шила на заказ. Жительницы Осинового Яра (в основном те же спецпереселенки из верховьев Васюгана) зарабатывали достаточно, чтобы купить себе отрез на платье, да и ткани в местный магазин регулярно завозились. Обращались и остряки за пошивом. Они рассчитывались чаще всего лосиным мясом.

И ещё: в магазине всегда можно было купить лапшу — вкусную, настоящую, из муки и яиц! Однако жили всё равно скромно, хоть и намного лучше, чем в Малиновке.

*Восьмой класс Нововасюганской школы,
весна 1953 года*

Однажды в марте, холодным ветреным днём Реет шла из школы и навстречу её попался совсем ещё молодой мужчина, шедший нараспашку, горланивший песни и смеявшийся, как сумасшедший. В его глазах стояли слёзы.

Лишь дома девочка узнала, что умер Сталин, а этот «горлопан», не скрывавший своего отношения к власти, десять лет отсидел в лагерях за украденную им во время украинского голодомора курицу.

После обеда всех учеников собрали в школе, и завуч Лидия Фёдоровна Кузьмина с несколько театральным, как показалось Реет, надрывом в голосе официально сообщила об уходе из жизни Великого вождя и друга

всех трудящихся. Её прочувствованная речь закончилась словами: «Как же мы теперь будем жить?» и потоком безудержных рыданий.

Всем вокруг тоже захотелось поплакать, но не от горя. Выступление завуча не могло растрогать детей из семей спецпереселенцев, переживших и голод, и холод, и унижения из-за великого Отца народов. Они лишились всего в пользу реализации его глобальных планов переустройства мира. Кто-то шёпотом вспомнил долгие очереди под дождём и снегом на улице к коменданту, чтобы отметиться. Кто-то тихонько ляпнул о Сталине крамольное: «Не мог сдохнуть раньше». На него робко покосились стоявшие рядом одноклассники и боязливо промолчали, хотя думали то же самое...

Тремя месяцами позже последовало разоблачение Берии, ещё через полгода — расстрел. В следующем году по весне стало слышно про то, что с некоторых переселенцев начали снимать надзор. Насчёт себя не надеялись особо, однако в июне 1954-го надзор сняли с Реет, а через пару лет — и с мамы.

...Примерно в это же время с большинства местных спецпереселенцев снимут комендантский надзор, и многие из них уедут обратно, но далеко не все...

Кормилец-лес

Ещё после окончания седьмого класса Реет на лето пришла поработать в ЛПХ. А после окончания восьми классов (шёл 1953-й) устроилась на лесозаготовки посто-

янно, как брат и мама. Трудились, главным образом, женщины и подростки, в том числе на тяжёлых работах. Причём зимой высота снега иногда доходила до 70 сантиметров. Поэтому первыми шли так называемые огрѣбщицы. Они протаптывали дорожку к деревьям и отгребали снег, чтобы вальщицы могли пройти к каждой лесине. Готовили в основном лиственные породы, но рубили также и кедр, сосну, ель, пихту. Лес шѣл на шпалы, производство спичек, карандашей, берѣза поставлялась на ружейную болванку. Заготавливали хвою, гораздо позже стали собирать живицу.

Работали в основном вручную. Возили лес только сортиментами и на лошадях: зимой — на санях, летом — волокушами. Во избежание пожаров отходы производства сжигали в холодное время года, когда выпадал снег. Частично сучками и ветками отсыпали болотистые участки лесозаготовок и дороги к ним.

Лесники строго следили за лесовосстановлением и высадкой материала, привезѣнного с селекционных станций. В основном это была сосна, но высаживали и другие породы деревьев. Отслеживали и правила рубки: пни не должны были превышать трети от диаметра ствола. Весной, когда сходил снег, начинались проверки, и не дай бог инспектор найдѣт лишний мусор на лесосеке или рубку обнаружит неправильную...

Кстати, о пожарной безопасности тоже активно работали. И даже не потому, что боялись огня, а берегли лес — народное достояние. Ещѣ в Малиновке в конце сороковых (как помнит Реет, хоть и была тогда мала) работала лесоустроительная партия, возглав-

ляемая молодой девушкой Катей Сахаровой. Её рабочие размечали лес по кварталам и забыли потушить разведённый ими в шести километрах от Малиновки костёр. Пожар вспыхнул длинными красными языками и взметнулся выше, к верхушкам сосен и елей. Мгновенно начал перекидываться с дерева на дерево. Неизвестно, чем бы всё кончилось, но тут прогремел гром, и зарядил ливень.

Всё обошлось на этот раз, а кончиться могло бы долгим тюремным заключением, если не расстрелом...

...Итак, Реет трудилась на лесозаготовках. Юная хрупкая шестнадцатилетняя девушка лихо ошкуривала деревья, чтобы их было легче транспортировать. Но если эта несложная «технологическая» операция ей давалась, то вот перевернуть большое дерево на другой бок получалось с трудом.

В конце лета Георгий Петрович Тюликин, главный инженер Васюганского леспромхоза (поговаривали, бывший ректор Ленинградской академии, человек непростой судьбы), выехав на лесозаготовки с проверкой, заметил это, но промолчал, а на следующий день посыльная передала Реет вызов в контору.

Мама заволновалась:

— Что ты наговорила? Что наделала?

Вызов в контору тогда чаще всего ничего хорошего не предвещал. Девушка шла, как на виселицу. Однако...

— Будешь заниматься статистикой!

Оказалось, женщина, занимавшаяся статистикой до этого, получила освобождение от надзора комендатуры и уехала на родину, в Прибалтику.

*Работницы бухгалтерии
Осиноярского лесопункта
(слева направо): Мария Ива-
новна Зубенко, Екатерина
Сергеевна Сухорукова,
Реет Эдуардовна Михайло-
ва. 1958 год.*

Учили новенькую вместе Мария Дмитриевна Фомина, старший бухгалтер хозяйства, некогда владевшая в Латвии собственной лесопилкой, и дочь главного инженера Лина Георгиевна Тесля, трудившаяся инженером по труду. Молодая, расторопная, сообразительная Реет в первый же день выучила наизусть все коды и прямо назавтра расписывала заготовку, разделку и вывозку леса как заправский статистик. Ведь ошибок в сводках не должно было быть ни на единицу, иначе...

В свободное время вместе с коллегой — Татьяной Афанасьевной, настоящей русской женщиной, одного взгляда которой даже мужики робели (про неё говорили: «Ей бы — в министры!»), — шли копать червей и рыбачить. Неподалёку находилось озе-

Михаил вырос в семье дяди, выучился на судомеханика и каждый сезон ходил по рекам вольной птицей.

ро Сиктамур, богатое огромными окунями чуть не в полметра длиной. Наловить их было нетрудно целое ведро. Пожалуй, именно в начале пятидесятых впервые Реет поняла, что перестала испытывать постоянный голод.

Но вернёмся к работе. Несколько позже Реет поставили десятником, где надо было точно так же вести учёт и приёмку и отчитываться ежевечерне. В 1954-м снова вернулась в статистику. И кто знает, как оно бы там дальше сложилось, если бы не одна судьбоносная встреча.

В клубе, на танцах, Реет сразу заметила высокого, красивого, видного парня. Такого же, как она, —

*Михаил и Рет после свадьбы,
март 1955 года*

светловолосого, голубоглазого. Познакомились. Жизнь Михаила (так его звали) тоже была нелёгкой. Мама умерла, когда мальчику исполнилось два годика. Похоронка на отца пришла с фронта в 1944-м. Вырос в семье дяди, выучился на судомеханика и каждый сезон ходил по рекам вольной птицей.

Для поднадзорной девушки такая свобода передвижения казалась почти фантастической. В её глазах светился огонь, когда он рассказывал о том, где бывал и что видел. И когда после нескольких свиданий он снова ушёл в навигацию, она не слишком надеялась, что такой вольный красавец ещё вспомнит о ней. Но... По осени парень вернулся и сразу же пришёл к ней:

— Мне нужно жениться, — сказал Михаил, немного насупив брови по привычке. — И эту жизнь я хочу пройти только с тобой. Согласна?

И 20 ноября 1954 года молодые неофициально поженились (регистрировать их отказались, так как невесте не исполнилось восемнадцати). Их семейная жизнь продлилась в дальнейшем чуть менее полувека.

Мама тихонько всплакнула от радости за молодых, когда шила дочке платье на скромную свадьбу (швейная машинка в семье появилась в 1953 году). А брат — специалист на все руки, как говорится, — к выходу сестры замуж возвёл небольшую пристройку к дому, чтобы всем места хватило.

Жили дружно, помогали друг другу. А поскольку молодой муж зарабатывал прилично, то и корову смогли купить. Ведь тогда уже не было тех иезуитских налогов, как при Сталине, и была возможность самим молоком вдоволь попить.

В следующую навигацию молодые пошли вместе. Реет, которую на судне ласково звали Раечкой, записалась в матросы. После изнурительного труда в колхозе и на лесозаготовках речные хлопоты казались сущим пустяком: палубу драила, кочегарила, уху на всех готовила. И любимый человек рядом — и днём, и ночью. С ним надёжно: и рыбы наловит, и грибов наберёт, и дичи настреляет во время стоянки. Всегда сыта, всегда спокойна. Солнце, ветер в лицо, река блестит, как золото. Идёшь по реке, словно бы ей нет конца. Простор, свобода, лучшие дни...

Когда молодые ещё только начали встречаться, Михаила, как несознательный элемент, связавшийся со спецпереселенкой, исключили из комсомола. А комендант с усмешкой заметил:

— Смотри, парень, она — поднадзорная. Увезёшь куда подальше, головы тебе не сносить...

Кто бы знал тогда, что после разоблачения Берии этот комендант застрелится?

...А в ту пору бежать никто не и планировал, ведь счастье — как небо, всюду одинаково...

18 июля 1955 года в Осиновом Яре Реет прямо на топчане родила дочку Женечку. И простыни пошли на пелёнки. Когда малышке исполнился месяц, молодая мамочка поела черёмухи, и у неё воспалился аппендицит.

Женщина не помнит, как добралась до больницы в Новом Васюгане, где врачи, принимая во внимание недавние роды и их естественные последствия, постарались обойтись консервативными методами и, сняв острое воспаление, через месяц отпустили Реет домой, к мужу.

На будущий год десятимесячную Женю оставили с бабушкой. Из навигации вернулись в ожидании второго ребёнка. Брат с семьёй в ту пору переехал в Новый Васюган, где у него родился второй сыночек — Валерий, и весь дом в Осиновом Яру оказался в полном распоряжении молодожёнов и тётчи.

Во время второй беременности молодая мамочка уже проходила обязательное наблюдение фельдшера в гинекологии Нового Васюгана. Врач Евгения Гурьевна Визерь предупредила сразу:

— Не вздумай рожать сама! Ребёнок поперёк лежит, — можешь не разродиться. Придётся, скорее всего, операцию делать...

А ехать нужно было ни много ни мало 80 километров. Начальник сплава участка Дмитрий Антонович Щепёткин, примерный отец троих детей, с супругой которого Реет дружила, решил отвезти молодую женщину, поскольку Михаила не было дома.

Старательно укутав роженицу в длиннополую шубу, Дмитрий Антонович тронул поводья. Тяжёлые сани по плохой дороге переворачивались на каждом скате. Возница падал, Реет сверху на него. Сама подняться не могла. Он кое-как из-под неё вылезал, поднимал, отряхивал, снова садил в сани. На подъезде к Новому Васюгану, километров за восемь, Реет начала кричать, что рождает.

— Не смей мне! — кричал Дмитрий Антонович в ответ.

И меня гнев на милость, продолжал:

— Как человека тебя прошу: подожди, потерпи, родимая!

И тут же на лошадь:

— Калмык! Так твою разэдак! А ну поднажми!

Бедную лошадь так гнал, что потерял в дороге шапку. Около больницы остановил сани, сгрёб роженицу в охапку и буквально с рук на руки передал врачам.

— Ух, успел! А теперь и шапку не грех поискать...

И вот 21 января 1957 года, через несколько минут после прибытия Реет в нововасюганскую больницу, раздался громкий бас новорождённого.

— Ну, Мишка родился, медведь, — сказала врач.

Так и назвали мальчугана Мишей, Михаилом Михайловичем. Он появился на свет 4,2 килограмма весом, притом что молодая мамочка едва «дотягивала» до пятидесяти. Кто бы знал тогда, что десятилетия спустя этот самый Мишка-медведь возглавит здравоохранение родного района, став главным врачом Каргасокской районной больницы!..

Да, а операцию делать не пришлось. Видимо, от многократных падений с саней малыш повернулся в животике как надо, родившись на свет легко и будучи совершенно здоровым.

Впрочем, и тут не обошлось без приключений. После родов женщины находились в палате, когда откуда-то из соседнего помещения повалил дым, и запахло гарью. Реет лежала в одной палате с позднородящей женщиной за тридцать, которая едва передвигалась из-за родовых разрывов. Молодая, лёгкая девятнадцатилетняя эстонка быстро побежала в детское отделение, прихватив обеих малышей, и на пару с новой подругой двинулась к выходу из больницы: через дорогу стояла гостиница, её директором был отец той, второй женщины.

И вдруг навстречу — Евгения Гурьевна:

— Ты куда это, такая бравая? Огонь уже потушили...

Потом хохотали все вместе, как Реет шустро среагировала:

— Молодец! С ней не пропадёшь!

Смех — смехом, а обратно пришлось возвращаться за те же 80 километров. На этот раз на санях сде-

лали из тряпок и одеял нечто вроде шалаша, ехали тихо и аккуратно. Так что прибыли без приключений, и почти полтора месяца после этого Реет смогла побыть в декрете.

Чудесное было время. А по весне на барже, оборудованной под брандвахту, прибыли геологи. Разведка недр шла в непосредственной близости от посёлка. Руководила партией женщина, которая бесконечно улетала и снова прилетала на вертолёте. Её подчинённые регулярно навещали к Реет, чтобы купить молока, яиц и куриного мяса. Для молодой семьи с двумя маленькими ребятами это было хорошее подспорье.

Фото с соседями, 1953 год.

*Реев с мамой и двумя детьми,
1958 год.*

*Сыновья Вяйно — Леонид
и Валерий с бабушкой, 1953 год.*

*Миша и Женя,
середина
1960-х годов.*

Районный дом культуры, Каргасок, 1957 год, выборы

От Каргаска до Москвы

В 1958 году мужа перевели в мотофлот Каргасокской сплавной конторы. Реет тоже трудилась. Оба показывали себя с самой лучшей стороны как работники, и Фёдор Григорьевич Анисимов, тогдашний директор сплавконторы, легендарная личность, фронтовик, которого за сочетание строгости и человеческого подхода подчинённые называли «отцом Фёдором», предложил молодым перебраться в Каргасок, пообещав квартиру. Так что в конце сентября 1958-го переехали. Михаил по-прежнему ходил по реке, его супруга устроилась счетоводом в местную ремонтно-эксплуатационную базу флота в составе сплавконторы.

В 1959-м Каргасокскую сплавную контору объединили с Каргасокским леспромхозом. Примерно в это же время вышла на работу женщина, которую Реет временно заменяла. Что делать?

«Отец Фёдор» вызвал к себе.

— Печатать умеешь? — спросил без церемоний Ани-симов.

— В глаза никогда раньше машинку не видела, — честно ответила Реет.

— Ну, ладно, — почесал затылок, — а читаешь как?

— Бегло.

— Тогда освоишь! Садись! Будешь пока моим секретарём!

Разве обманешь такое доверие? Пришлось сесть за печатную машинку и в несколько дней научиться печатать быстро. Директор, увидев рвение молодой женщины, полностью положился на неё во многих вопросах. Более того, настоял, чтобы она пошла учиться в вечернюю школу.

Так в 22 года Реет, будучи мамочкой двух малышек, снова села за парту. В качестве девятиклассницы. Впрочем, рядом на уроках корпели ученики и постарше. Учиться считалось делом правильным и перспективным. Причём в любом возрасте.

Правда, на домашнее задание времени оставалось до обидного мало. Приходилось иногда втихаря писать что-то на работе, когда дела сделаны, и никто не видит. Однажды так увлекалась заданиями по математике, что не заметила, как подошёл сзади главный инженер Михаил Павлович Зенков.

— Ты что это делаешь?

Как все бывшие поднадзорные, Реет была запугана. Домашнее задание — в рабочее время!

— Математику решаю, — пролепетала она едва слышно.

— И как, успешно?

— Не очень...

— Зайди в мой кабинет и неси своё задание. Я же по специальности учитель математики. В любое время помогу. Всегда обращайся, но только смотри всё-таки, чтобы никто не видел, хорошо?

В общем, всё складывалось как нельзя лучше. А поскольку молодая женщина очень ответственно относилась и к учёбе, и к работе, а директор был человеком деловым, то где-то через полгода он полностью доверился Реет. И ему было безразлично, ссыльная она или нет.

Однажды он собрал всех начальников отделов и заявил, что вручает секретарю гербовую печать.

По тем-то временам!..

Реет обомлела на месте. А Фёдор Григорьевич научил подчинённую, на какие документы ставить эту самую печать. И Реет берегла её как зеницу ока. Ключи от директорского сейфа тоже были у секретаря. Когда Реет несла печать в сейф, то старалась каждый раз обойти как можно дальше стол руководителя, чтобы не задеть ни одной бумажки, — вдруг подумают, что она тут рылась!..

***

Кстати, о принципиальности «отца Фёдора» ходили легенды, ведь ценить людей он умел. В 1959 году бригада Прокопия Говзана, прибывшего в Сибирь в качестве спецпереселенца, достигла выдающихся результатов. Его малая комплексная бригада на тракторе ТДТ-40 впервые в Советском Союзе заготовила и стре-

левала за год более 20 тысяч кубометров леса. Средняя выработка за смену составила 194 процента к плану. Прокопия Николаевича от предприятия представили к ордену Трудового Красного Знамени.

В райкоме только бровью повели:

— Что, спецпереселенца — к ордену?

— Если не Говзана, тогда никого! — отрезал «отец Фёдор».

Так награда нашла героя. А молодая секретарша Реет Михайлова, по просьбе своего начальника, писала в Ивано-Франковск письмо жене Говзана: «Ваш муж был удостоен ордена за трудовые заслуги. Пожалуйста, приезжайте всей семьёй жить к нам, чтобы Прокопий Николаевич остался здесь и не уехал обратно на Украину. Мы уважаем и ценим передовиков».

Вальщику этой бригады Владимиру Павловичу Янышевскому, помнится, присвоили звание Героя Социалистического Труда, а те, кто начал равняться на команду Говзана, образовали движение двадцатитысячников, а позже — и тридцатитысячников.

Что до «отца Фёдора», то его принципиальность касалась далеко не только производственных показателей... Как-то раз приехал он ни свет ни заря на Сангальский участок. Проводив рабочих на смену, попросил техничку собрать в конторе жён своих сотрудников, главным образом, домохозяйек. И побеседовав с женщинами об их семьях, быте, обратился к одной из них с вопросом:

— Скажите, уважаемая, а вы чем сегодня на завтрак мужа кормили?

Та смутилась, а Фёдор Григорьевич, глядя ей в глаза, заявил:

— Вы и чаю-то ему сегодня утром не согрели. Видел, у вас труба печная с утра не дымилась. А ведь его успехи на работе напрямую зависят от того, как вы проводили его из дому.

На следующее утро все печи топились. Вот такие дела!

***

...Новый 1960 год впервые отмечали дома. Жителям посёлка разрешали самостоятельно спилить себе ёлочки, а в магазине можно было прикупить ёлочные игрушки. Вместе с ребяташками, сама, как ребёнок, Реет наряжала зелёную красавицу. Тут тебе и золотые шишки, и кукуруза, и разноцветные птички, и ярко-красные помидорки, и большая звезда наверху. Мишура тоже продавалась. Крестовину внизу заложили ватой. Прямо не верилось, что такое чудо стоит дома!

Конечно, в ту пору ещё не готовили повально оливье и сельдь под шубой, а первые мандарины Реет попробовала в Каргаске в 1968 году. Отдел рабочего снабжения привёз для своих сотрудников, и фрукты раздавали на работе.

Но вернёмся к нашему повествованию. Когда Реет училась в 10 классе, муж Михаил заболел бронхиальной астмой. Врачи давали неутешительные прогнозы, и Реет заволновалась: с двумя детьми, без специальности... Отправилась к Анисимову проситься в бухгалтерию.

Детский сад посёлка Каргасок, 1962 год. Михаил — в нижнем ряду четвёртый справа.

Осенью 1963 года Реет поступила в Москве во Всесоюзный заочный лесотехнический техникум, славившийся на весь СССР.

В 1961 году директор отправил её на курсы в Новоильинскую лесотехническую школу Пермской области, которые молодая женщина окончила за 4,5 месяца вместо шести на одни «пятёрки», привезя диплом старшего бухгалтера. И её поставили бухгалтером-ре-визором. Тогда же проездом она побывала в Томске, отличавшемся в ту пору от Каргаска разве что размерами.

Осенью 1963 года Реет поступила в Москве во Всесоюзный заочный лесотехнический техникум, славившийся на весь СССР. И через два с половиной года, весной 1966-го, отучившись экстерном, она получила диплом с отличием.

На каждой сессии тряслась, как осиновый лист. Всем лишь бы сдать, а она меньше чем на «пятёрку» не нацеливалась. Ведь по возвращении в Каргасок «отец Фёдор» лично проверит зачётку и, если что, сурово спросит:

— Ты чем это, девка, в Москве занималась?

***

...Воевавший с китайцами за КВЖД в двадцатые годы в Даурии, участвовавший в Великой Отечественной войне член партбюро райкома Фёдор Григорьевич Анисимов был большим авторитетом для своих подчинённых. Хотя он никогда не повышал голос и не позволял себе «некорректных» выражений. У него к тому времени накопился колоссальный производственный опыт, приобретённый на нескольких лесопромышленных хозяйствах Томской области. Он

Михаил с мамой, 1967 год.

умел ковать кадры. Потому-то не отпускал своих ИТР на другие предприятия на должность ниже главного инженера или даже директора. Всегда говорил:

— Мои кадры соответствуют этому уровню!..

И действительно, Анисимов вырастил целую плеяду блестящих руководителей: например, братьев Беспалько — Алексея и Бориса, Николая Григорьевича Калугина, который более четверти века проработал главным инженером в Каргасокском ЛПК, и многих других. Сам Анисимов по выходу на пенсию принял активное участие в создании музея леса, функционирующего и по сей день в Тимирязеве.

***

К счастью, вопрос о времяпрепровождении Реет в Москве ни разу не сорвался с уст строгого начальника. И не будь он так суров, она бы рассказала ему, какое

удивительное время в Подмосковье поздняя весна! Щёлково буквально тонет в сиреневом цвете и благоухании. И оттуда рукой подать до столицы нашей Родины, где можно прокатиться на метро, а в Кремлёвском дворце съездов сходить на концерт. В тот день для зрителей пели Муслим Магомаев и знаменитый академический хор имени Григория Верёвки.

Курьёзный случай: когда Реет в своём красивом новеньком, сшитом мамой бордовом платье и красных туфлях-лодочках поднималась на эскалаторе во Дворце съездов, то обратила внимание на девушку, поднимающуюся напротив неё в таком же точно платье. «Не может быть!» — подумала Реет. И только тут догадалась, что это её собственное отражение в гигантской зеркальной стене.

Однажды Реет забрела в музей Маяковского, и он произвёл на неё странное впечатление. Экскурсовод, важно поправляя очки, пафосно рассказывала группе посетителей о поэте, как о некоем идоле, «революцией мобилизованном и призванном». В результате чего великий гений советской поэзии оказывался напроочь выхолощенным, совершенно далёким от реальной жизни персонажем. «Холодные» восторги гида выглядели как-то неискренне, и Реет почувствовала себя обманутой.

Совсем другие впечатления возникли, когда она окунулась в театральную атмосферу. Подруга по техникуму Валя Замора из города Черновцы (Закарпатье) была такой же «театралкой», в том смысле, что никогда не бывала в театре, но тоже давно меч-

тала когда-нибудь там побывать. И совсем ещё молодые девчонки с увлечением отправлялись при каждом удобном случае в святилище муз. Успели посмотреть «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спящую красавицу». С замиранием сердца слушали орган.

Любили и кино. Пленял фильм «Большой вальс» о Штраусе, итальянская картина «Молодой Карузо», кинооперетты с участием неотразимого Георга Отса.

Как-то Валя прибежала, сильно запыхавшись, и сообщила, что простояла два часа в очереди за билетами в Лужники на Венский балет на льду. Нужно было собираться немедленно. И подружки заспешили. Ещё бы! Не так давно узнали, что существует балет, а тут ещё и на льду!

Сидя на галёрке, две студентки боялись даже дышать. Лёгкими, грациозными движениями артисты передавали глубочайшие эмоции. Настоящее торжество человека над музыкой, собственным телом и ледовой стихией!

Что там говорить, — открылся новый мир. И Реет чувствовала перемены в себе. После получения диплома техникума её поставили инженером по труду.

...А муж, между тем, понемногу поправился, и хотя сам был пяти классов образования, жену поддерживал в стремлении учиться и делать карьеру. Гордился ею...

В 1967-м Реет назначили начальником отдела труда и зарплаты. Ещё через два года — начальником планового отдела. В этой должности она и проработала вплоть до развала предприятия в 1998-м.

Таллинн, 1960-е годы

Эстония, здравствуй и прощай!

Как уже было сказано, в 1956-м с мамы сняли комендантский надзор, и двумя годами позже она поехала в Эстонию погостить у родственников. Но вскоре вернулась, не особенно вдаваясь, по своему обыкновению, в подробности.

Её приняли не слишком приветливо. За исключением разве что родной сестры (той самой, что догнала на машине поезд недалеко от Ленинграда) и её мужа.

Однако в 1963 году в Эстонию отправилась и Реет. На вокзале гостью из далёкой Сибири встретили второй муж тёти (которая тогда уже лежала парализо-

ванная), его сын Пауль (ректор местного педагогического института) и его жена Хельме, работавшая главным инженером горюче-сланцевого комбината в Кохтла-Ярве. Они с трудом говорили по-русски, Реет — по-эстонски.

Молодую женщину повезли на праздник, устроенный по случаю удачной охоты на оленя. Вечером гости дружно уселись вокруг стола, у большого камина, жарили свежее мясо, умеренно пили вино за беседой, пели народные песни, обнявшись и раскачиваясь в такт музыке.

На следующий день одна из родственниц повезла Реет в Таллинн. Очаровательная дама оказалась актрисой, снимавшейся на местной киностудии. По приезду она бойко обзвонила родню, однако на встрече с бывшей спецпереселенкой они не торопились. Некоторые в открытую спрашивали, говорит ли Реет по-эстонски, и услышав в ответ «нет», тут же заявляли, что общаться с нею не хотят.

Спас положение крёстный.

— Я держал её на руках четырёхлетней, поеду к ней и сейчас, — твёрдо сказал он.

Его супруга, заведовавшая аптекой при ЦК компартии Эстонии, была другого мнения, но тоже приехала.

На вечеринке, тем не менее, говорили по-эстонски и в основном на непринуждённые светские темы. Реет старалась следить за мыслью.

— Вы представляете, голубушка, — ворковала одна из соседок за столом, — была вчера в Риге. Прошу продавщицу по-русски в магазине показать мне кожа-

ные перчатки, она отвечает: «Нет у нас перчаток». Как только повторила свою просьбу на немецком, она мне целый ворох на прилавок высыпала...

— ...И вы говорите на этом подлом языке?! — возмутилась Реет, вспомнив про только что показанное место захоронения двухсот еврейских детей живыми в окрестностях Таллинна.

Последовала и длинная тирада на русском по поводу советских воинов, погибших за свою страну в Великой Отечественной войне.

Вечер как-то скис. Крёстный повёз сибирячку ночевать в свой особняк. Его жена наутро, сделав вид, что ничего не произошло, повезла Реет на экскурсию по Таллинну.

Потом молодая женщина ещё неделю жила у разных родственников и даже научилась довольно сносно говорить по-эстонски. Но желания остаться не возникло, — Реет понимала, что за светской любезностью кроется недовольство, и после её отъезда здесь облегчённо вздохнут.

Так и вышло. А вдогонку маме с исторической родины пришло письмо: «Как ты могла воспитать такую ярую коммунистку?» — писали возмущённые родственники. Мама, как всегда, молчала.

Чуть позже и Вяйно посетил Эстонию. Причём всякий раз, когда при нём неуважительно отзывались о русских, он мгновенно вскипал:

— Только благодаря русским мы выжили в ссылке. И я никому не позволю их оскорблять! Где вы были, когда я замерзал и голодал?

Будучи высококвалифицированным механиком, он отправился по хозяйственным магазинам в надежде прикупить нужных ему «железок».

В первой же торговой точке его приняли холодно в ответ на русскую речь, и лишь после нескольких слов, сказанных по-эстонски, девушка отреагировала на его присутствие.

— Ты бы лучше относилась к русским, если бы побывала там же, где и я, — сказал он резко.

Дорогой преобразований

Надо отметить, что развитие лесопромышленного комплекса — одна из интереснейших страниц отечественной истории, к тому же наглядно иллюстрирующая жизнь страны. В годы войны объёмы в отрасли заметно сократились из-за оттока рабочих кадров и техники. Поэтому в первую послевоенную пятилетку была поставлена задача увеличить производство на 59 процентов по сравнению с довоенным.

Отсюда и привлечение спецпереселенцев, и постепенная механизация. Ряд источников утверждает, что уже во второй половине сороковых едва ли не треть всех работ выполнялась с использованием техники, но очевидно, не все хозяйства могли в ту пору продемонстрировать такие показатели. Вплоть до середины пятидесятых ручного труда было ещё довольно много. Немногочисленные электрические пилы, выпускавшиеся тогда и используемые для пиления на сорти-

менты, требовали обязательной доставки и установки передвижной электростанции.

***

...Небольшая ремарка: что касается Томской области, здесь в начале пятидесятых было прямо-таки катастрофическое нашествие сибирского шелкопряда. Мало того, что пострадали значительные территории, — пострадали они больше всего как раз там, где располагались посёлки лесозаготовителей. Части этих населённых пунктов пришлось спешно перебазироваться. Однако среди упомянутых посёлков не было тех, что относились к Каргасокскому ЛПХ. Сюда шелкопряд «добрался» позже, к началу шестидесятых.

В 1961 году лесопатологическая ситуация плюс обстоятельства, связанные с выработкой лесного фонда, вынудили посёлки Пыжино и Кулеево покинуть насиженные места и перебраться во вновь созданный Средне-Тымский лесопункт. Но никто не сетовал: новый посёлок строили по проекту, — с широкими улицами, современными коммуникациями, всей необходимой социальной инфраструктурой...

***

Если же вернуться к лесозаготовкам, то многое изменило вхождение в обиход бензопилы «Дружба». Вспомним, что её конструкцию разработали в ноябре 1953 года, а в 1955-м внедрили в массовое производство на двух предприятиях — в Перми (для европейской части страны) и Бийске. Только в девяностые

*Р. Э. Михайлова,
1967 год.*

«Дружбу» начали выпускать на множестве других, более мелких предприятий.

Также во второй половине пятидесятых в СССР существенно выросла линейка спецтехники: погрузчиков, тракторов, лесовозных автомобилей. В этой же связи в геометрической прогрессии выросли количество и протяжённость дорог, предназначенных для вывозки заготовленного леса.

Но и этого было мало, — возникла необходимость в более грамотной и эффективной организации труда. Причём именно в эти годы, заметьте, широко ставится вопрос о безопасности работы, комфорте про-

живания людей труда, организации их культурного досуга, повышении качества образования и медицинского обслуживания. Эпоха достижения высоких результатов любой ценой отошла в прошлое. В 1965 году решениями Пленума ЦК КПСС в стране началась экономическая реформа, означавшая перестройку всей системы планирования в управлении народным хозяйством с целью ускорения научно-технического прогресса. Каждое предприятие должно было разработать собственную долговременную программу стратегического развития. А это оказалось не только сложно, но и совершенно внове.

Для таких людей, как Анисимов, наступил «звёздный час». Его почти тридцатилетний опыт работы в различных лесопромышленных хозяйствах Томской области, его внимательное отношение к простым труженикам, их нуждам и пониманию жизни сделало Фёдора Григорьевича одним из легендарных директоров своего времени. В его бытность руководителем в Каргасокском леспромхозе постоянно принимались к сведению и разрабатывались новые формы организации производства. Он хотел слышать каждого и настаивал на высказывании собственного мнения, — будь то рядовой сотрудник или главный инженер.

Поначалу подчинённые, большинство которых происходили из спецконтингента, робели перед начальством и боялись даже кашлянуть на планёрках. Но скоро это прошло, и рабочие совещания протекали весьма бурно, зато конструктивно. Люди, видя, что их мнение уважают, платили той же монетой: труди-

лись на совесть, с полной самоотдачей, доверяли руководству.

Каждый год коллективом леспромхоза принимались повышенные социалистические обязательства, и процент выработки сверяли именно по ним, а не рассчитанным нормативам. Каждый день начинался с радиопланёрки, на которой намечали планы на день и анализировали выполнение или невыполнение плана накануне. Так предприятие вышло в число пионеров соцсоревнования лесопромышленного комплекса Советского Союза.

И вот... большая честь: в октябре 1968 года коллектив Каргасокского леспромхоза официально выступил инициатором Всесоюзного социалистического соревнования в лесной отрасли. Произошло это на коллегии Минлеспрома СССР, куда пригласили Анисимова с группой передовиков предприятия. Это главный инженер Владимир Егорович Андрейчук, начальник отдела труда и зарплаты Реет Эдуардовна Михайлова, бригадир комплексной бригады Сангальского лесозаготовительного пункта Владимир Павлович Янышевский и водитель лесовозного автомобиля Леонид Григорьевич Жарков. Всем им пришли приглашения из Москвы.

После торжественного оглашения новой инициативы томичи дружно отправились в Кремлёвский дворец съездов на балет «Спящая красавица», на следующий день — в цирк. Осталось время и на покупки для родных, благо, всем членам делегации выдали «министерскую» премию.

Реет, всего полтора года назад окончившая Всесоюзный лесотехнический техникум, радостно бродила по Москве, наслаждаясь этой короткой встречей с уже знакомыми улицами, бульварами и площадями. Хотя в воздухе чувствовался холодок приближающейся зимы, молодая женщина улыбалась: жизнь сулила только хорошее.

По приезде из столицы члены делегации развернули в коллективе широкую агитацию по социалистическому соревнованию: «Мы — первые, значит, должны быть лучшими всегда и во всём!».

В общем, повышенные обязательства на 1969 год были приняты, однако поучаствовать в их выполнении Реет не посчастливилось. С 1 января 1969 года «сверху» спустили реорганизацию: создание Каргасокской сплавной конторы, куда вошли не только сплавные участки, но и два шпалозавода — Вертиковский и Нарымский. Так контора, кроме сплава, занималась заготовкой, вывозкой древесины и шпалопилением. Владимир Егорович Андрейчук, бывший главный инженер ЛПХ занял должность директора, Реет назначили начальником планово-экономического отдела.

Все руководители вновь организованного предприятия были совсем ещё молодыми, полными энергии и трудового энтузиазма. Хотелось проявить себя, показать, на что они способны. Недаром Реет в 1970 году в числе других передовиков наградили медалью «За доблестный труд», а в 1972 году она по зову сердца написала заявление в партию.

И хотя Реет не была ни октябрёнком, ни пионером, ни членом комсомольской организации по политическим причинам, её заявление в ряды КПСС рассмотрели на партсобрании очень серьёзно. Видели и понимали, что человек движется в авангарде коллектива и стремится в партию по высоким идейным соображениям.

Год, как положено, Михайлова проходила в кандидатах, и в 1973-м её охотно приняли. Дстойна!

Однако почивать на лаврах не было времени. Руководство сплавконторы поставило задачу молевой сплав по рекам (отдельными брёвнами) практически полностью заменить плотовым, что привело к снижению потерь при водной транспортировке. Перестроили запанное хозяйство. Продолжали добрые традиции соцсоревнования, и в период с 1969-го по 1974 год отгрузили потребителям около семи миллионов кубометров древесины, заготовили и вывезли почти шестьсот тысяч кубов леса.

***

Реет Эдуардовна вспоминает, какие необыкновенные люди окружали её. Зимой 1970-го, в самый разгар морозов нужно было везти в Томск годовой отчёт. Из-за нависших туманов самолёты и вертолёты стояли, как говорится, на приколе.

Дороги тогда были — не чета нынешним, да и моста через Обь в те годы ещё не построили. Даже днём ездить рискованно, а надо выдвигаться в ночь, чтобы к утру быть в областном центре. Что делать?

Выручил Вениамин Туров, водитель ЗИЛ-131, всего год назад пришедший в сплавконттору дальнобойщиком. Сказал, что довезёт без приключений. И руководство доверило ему своего директора В. Е. Андрейчука и главного экономиста Р. Э. Михайлову.

...Вена (как его называли друзья и родные) происходил из рода пермских крестьян, отправившихся ещё в начале века на поиски свободных земель и сытой жизни сначала на Алтай, потом в Сибирь. Вольные, трудолюбивые, с деловой сметкой держались братья друг друга, — помогали во всём. Василий, отец Вены, отличался большим мастерством по пошиву обуви. Шил, как тогда было принято, по индивидуальной колодке, из хорошей кожи, на совесть, поэтому и носились такие сапоги и туфли долгие годы, не то что сейчас! В посёлке Рабочем, что на Васюгане, сам комendant щеголял в знаменитых туровских сапогах...

Вена учился у отца всему, так что ещё до школы мог и себе, и друзьям обувку починить. Даже умел «перетягивать» сапоги. После окончания семи классов пошёл продавцом в магазин.

В Сосновке, куда переехали родители, познакомился с молоденькой немкой из семьи спецпереселенцев. Вспыхнула любовь. И хотя родители настаивали на том, что сперва надо в армии отслужить, а только потом свадьбу играть, Вена женился на Эрике, ведь без неё для парня и жизнь была не мила.

Молодая женщина, будучи беременной, работала на заготовке дров и как-то однажды недоглядела: сгорела поленница дров. Эрику взяли под следствие и за-

Вена, как отец семейства, пошёл в электропильщики.

В 1965 году он сел за руль ЗИС-5 в Каргасокском пищекомбинате, затем работал механиком, а в 1969-м — освоил вождение только начавших в ту пору приходить ЗИЛ-131 (в сплавконторе).

ключили в тюрьму. Благо, выпустили, когда родилась дочка Аллочка. Через пару лет на свет появился второй ребёнок — сын Александр. Вена, как отец растущего семейства, пошёл в электропильщики, чтобы зарабатывать больше. В 1957-м родился третий малыш — сын Владимир.

Вену тянуло к технике, — столько её новенькой прибывало на предприятие. И в 1958-м его поставили мастером лесопункта. Мужчина понял, что надо изучать автодело, и отправился на курсы шоферов в Томск. После этого пошёл в электромеханики.

Жаль, в 1962 году лесоучасток закрыли и Вениамина перевели в Канаскино. Там он принял руководство магазином, а через два года — столовой в Каргаске. Однако к технике тянуло всегда, и парень снова подался в водители. В 1965 году сел за руль ЗИС-5 в Каргасокском пищекомбинате, затем работал механиком, а в 1969-м — освоил вождение только начавших в ту пору приходить ЗИЛ-131 (в сплавконторе).

Правда, через четыре года встал острый вопрос, кому доверить освободившуюся должность заведующего центральным складом в Каргасокской сплавконторе, и никого лучше Вениамина не нашлось. Знали про его кристальную честность, безоговорочную порядочность и деловитость. Про феноменальную память, — ночью его разбуди, он всё тебе скажет, что и где у него в магазине или столовой лежит. Грех такого специалиста на ответственную должность не поставить!

И не пожалели. Все годы до пенсии Вениамин Васильевич добросовестно трудился заведующим скла-

дом, и каждый шурупчик был у него на учёте. Многие коллеги по работе с теплотой вспоминают Турова до сих пор. Недаром Вениамин Васильевич отмечен многими отраслевыми наградами и почестями родного предприятия.

***

В 1974-м сплавную контору слили с Васюганским леспромхозом, образовав объединение «Каргасоклес» во главе с Андрейчуком. Ещё через пару лет это предприятие присоединили к Каргасокскому леспромхозу и создали Каргасокский ордена Знак Почёта лесопромышленный комбинат (орден «перешёл» от ЛПХ). Директор — снова Андрейчук, главный инженер — Борис Алексеевич Беспалько, замдиректора по сплаву — Николай Григорьевич Калугин. Год спустя Беспалько стал директором, а Калугин — главным инженером. Реет Эдуардовна продолжала возглавлять планово-экономический отдел.

Каргасокский ЛПК был самым большим предприятием лесопромышленного профиля в Томской области с годовой программой заготовок в миллион кубов. В начале семидесятых появились на предприятии укрупнённые бригады с численностью работающих от 10 до 30 человек, трудившиеся на условиях хозрасчёта. Тогда же широкое распространение, следом за нефтегазовым комплексом, получил у лесозаготовителей страны вахтовый метод в силу того, что объёмы заготовок значительно росли, и лесосечный фонд вокруг посёлков вырабатывался куда быстрее, а строить но-

Председатель профкома Виктор Георгиевич Чупрунов и Реет Эдуардовна Михайлова, подготовка к 50-летию Кargasокского ЛПК, 1985 год.

вые населённые пункты со всей инфраструктурой на короткий срок было, естественно, невыгодно.

Так что количество вахтовых коллективов росло. Орденосцев в полку тоже прибыло. И у всех было огромное желание учиться, повышать уровень культуры и образования. Реет, например, поступила в Институт народного хозяйства (г. Новосибирск) на заочную форму обучения и, как всегда, успешно его окончила, получив диплом о высшем образовании в 1977 году.

Её высоко ценили как плановика. И заслуженно: многие прогрессивные формы труда внедрялись без её участия.

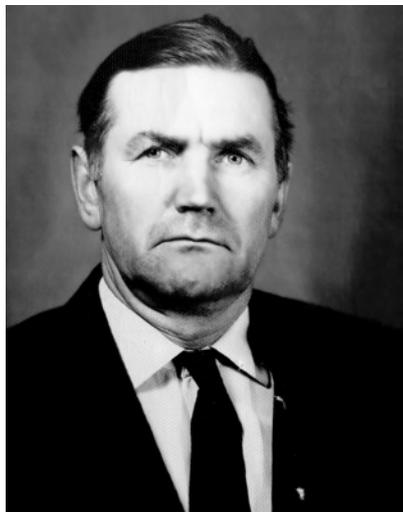
С Людмилой Степановной Бардиной в президиуме на праздничном собрании в честь 50-летия Каргасокского ЛПК в Доме культуры посёлка Каргасок, 1985 год.

Но круче всего «выстрелил» сквозной комплекс, впервые созданный в Новоюгинском лесопункте. «Гремел» в те годы Юрий Ушаков, начинавший чокеровщиком, ставший вальщиком, а после возглавивший укрупнённую бригаду и позже, в 1984 году — первый в СССР сквозной комплекс. Лауреат премии Ленинского комсомола, награждённый орденом «Знак Почёта» Юрий Кузьмич стал впоследствии депутатом Верховного Совета РСФСР, членом обкома КПСС.

Как возникла сама идея сквозных комплексов? Дело в том, что ранее случались нестыковки производственного характера, влиявшие на общие показатели предприятия. Например, из-за нехватки площадей

*Р.Э. Михайлова с орденом,
фото из газеты «Красное
знамя», 1985 год.*

*Михаил Дмитриевич Михайлов,
1985 год.*

на нижнем складе хлысты укладывали, как говорится, в запас. И этот запас иногда очень долго лежал, потому что водители при перевозке на небольшие расстояния получали меньше денег. Бывало, лежал лес, пока разве что на дрова не сгодится. И выходит, что и заготовители, и водители, и рабочие склада — при хорошей премии, а государство — в накладе.

При сквозном комплексе весь коллектив «заточен» под конечный результат: с наименьшими затратами дать как можно больше готовой продукции. Так в наряд-задание сквозного комплекса включены все виды работ: валка, трелёвка, вывозка, погрузка, разгрузка, разделка, маркировка, плановый ремонт техники, работы по её обслуживанию, пере-

Судоводитель Михайлов награждается почётной грамотой на торжественном собрании в честь 50-летия Каргасокского ЛПК, 1985 год.

возке рабочих, содержанию дорог. Единая расценка рассчитывается за кубометр готовой продукции. Заработная плата начисляется по КТУ (коэффициенту трудового участия).

Невероятным образом новая технология сплотила коллективы. Все стали внимательнее друг к другу: тракторист нижнего склада ещё затемно разогреет технику, чтобы прямо с утра поехать на работу, а не греть двигатель до обеда. И на разгрузке уже не сбросит хлысты как попало, а раскатает один к одному, чтобы удобно было разделявать. Водителю всё равно, откуда возить продукцию, главное — чтобы больше и лучшего качества. Все помогают всем. Экономится время, силы, ресурсы!

Через пару лет на ЛПК было уже три сквозных комплекса: в Ново-Югино, Васюгане и Неготке. Конкуренция между ними за первые места на предприятии была более захватывающей, чем любое кино. Но конкуренция здоровая, честная, в лучших социалистических традициях. И на пользу дела!

Реет как плановик в 1985-м в числе других передовиков удостоилась награды — ордена «Знак Почёта». Областная газета «Красное знамя» 18 августа того года на странице, полностью посвящённой будням Каргасокского лесопромышленного комбината, писала: «Сегодня это один из самых опытных экономистов на предприятиях «Томлеспрома», действует решительно и смело, а главное — она всегда на острие проблем, выдвигаемых жизнью».

Вместе с нею орден получил главный инженер Николай Григорьевич Калугин. Орден «Знак Почёта» к тому времени у него уже был, поэтому ему вручили орден Трудового Красного Знамени.

Люди буквально «болели» работой, были преданы своему предприятию и своей стране и мечтали только о том, чтобы сделать жизнь вокруг как можно лучше. ЛПК собственными силами строил дома и даже целые посёлки: столовые, школы, детские сады, фельдшерско-акушерские пункты. Строили и содержали дороги. Успевали ещё бегать на лыжах, петь и танцевать в кружках самодеятельности, организовывать концерты и праздники, соревнования и массовые старты. Между этим всем — партийные собрания, ведь партком ЛПК поддерживала во всём, а Реет возглав-

ляла партийную ячейку управления ЛПК в сорок коммунистов.

Времени хватало и на семью. Женечка успешно окончила общеобразовательную и музыкальную школы (вся в отца пошла, — он прекрасно пел), Институт народного хозяйства в Новосибирске, как мама, стала бухгалтером. Михаил (тот самый Мишка-медведь, что оглашал своим первым криком больницу в Васюгане) с тринадцати лет гонял по деревне на отцовском мотоцикле, а потом в армии отслужил водителем, — возил начальника погранзаставы на Дальнем Востоке. Потом — медицинский институт, женитьба на девушке, за которой ухаживал ещё со школы, дети. Карьера главного врача Каргасокской районной больницы. Словом, всё сложилось в судьбе Реет — девочки, привезённой много лет назад в Сибирь со спецконтингентом.

Но грянули девяностые, и предприятие, которое было для Реет Эдуардовны Михайловой вторым домом, где она проработала в общей сложности 45 лет, из них 31 — начальником планово-экономического отдела, начало рушиться на глазах.

Эпилог

Каргасокский ЛПК восемь лет бился за самосохранение: решения принимались быстро, шла модернизация парка техники, в условиях безденежья строили бартерные схемы расчётов. Однако в ситуации, когда полностью рухнула банковская система, налаженные

хозяйственные связи, а инфляция достигала десятки и сотни процентов, предприятие, имеющее сезонную специфику работы, не выдержало. В 1999 году его объявили банкротом, а через два года закрыли.

К огромному сожалению, закрылись и другие, прежде успешные предприятия района: замечательный рыбозавод с широким ассортиментом и высочайшим качеством продукции. Заведующая местным пищекомбинатом плакала каждый день слезами бессилия, видя, как приходит в упадок её родное предприятие. Газировка и пряники здесь выпускались лучшие в области, а какие делали сардельки из чистейшего мяса!.. Социальная сфера тоже «падала», больно смотреть!

Держит в таких случаях человека, конечно, семья и жизненный опыт, научивший переживать любые времена и формации, была бы любовь в сердце, — к своей стране, своим близким. Жизнь продолжается: в успехах наших детей, внуков, правнуков.

Об одном больше всего мечтает Реет Эдуардовна Михайлова: чтобы никогда не повторился период репрессий, чтобы был мир, чтобы люди на своей земле жили дружно и сообща преодолевали все проблемы. Ведь неважно, кто ты, — эстонец, русский, — важно, какой ты человек. Вечные ценности не меняются, хорошо бы помнить об этом всем и всегда...

Январь 2018 года

*Брат Вяйно с супругой,
1989 год.*

*Реет Эдуардовна с правнучкой
Машей, 23 октября 2017 года.*

*Реет Эдуардовна с сыном Михаилом и его другом
Владимиром Туровым, 23 октября 2017 года.*

Верхний ряд слева-направо: Михаил Дмитриевич (муж), Михаил Михайлович (сын), Лариса Валентиновна (жена сына), Женя (дочь), Реед Эдуардовна.

Нижний ряд слева-направо: Олег (муж внучки Лены), Максим (внук, сын Михаила Михайловича), Лена (внучка, дочь Жени).

На руках у Михаила Михайловича: правнук Максим (сын Лены и Олега).

Празднуем Новый год всей семьёй (семья дочери Жени, Новосибирск, встреча 2018 года).

Содержание

Вместо предисловия.....	2
Жатва сатаны	3
Малиновка.....	13
Начало большой жизни.....	26
Вкус хлеба.....	31
Кормилец-лес	41
От Каргаска до Москвы	52
Эстония, здравствуй и прощай!.....	62
Дорогой преобразований.....	65
Эпилог	81

При подготовке книги использованы материалы интервью с Р. Э. Михайловой, книги: Т. Никифорова, «Баржа на Оби» (новеллы по памяти) — воспоминания, Л. Ситников, «Земляки», книга 3, Томск, 2008 год, сборник эссе «Томлеспром: дела и люди», Томск, 2015, 2016, 2017 годы, а также информация, выложенная в свободном доступе в сети Интернет. Фото предоставлены семьёй Михайловых, Туровых, а также взяты из сети Интернет.

Нараева Т. С. Малиновка поёт даже в сумерках. — Томск: Смелая версия, 2018. — 86 с. [с ил.]

© Текст, Т. Нараева, 2018
© Оформление. ООО «ИД «Смелая версия», 2018

Главный редактор *Т. Нараева*
Макет и вёрстка *К. Терентьева*
Корректор *О. Глебова*

Тираж 150 экз. Формат 60×84/16. Оригинал-макет изготовлен в ООО «ИД «Смелая версия». 634021, Томск, пр. Фрунзе, 111, оф. 310.
Эл. почта: smel.rs@mail.ru

Подписано в печать 22.03.2018. Заказ № МН01372.
Отпечатано в производственно-рекламной компании «Милон». 634026, Россия, Томск, пр. Фрунзе, 7, оф. 1.